

пратлумачыў ёй, што гэта не агонь, а гнілякі на балоце свецяцца, і параіў Бязозцы забыць пра іх: у дрэва павінна быць дзве дарогі – адна ў зямлю, другая ў гару да сонца. Дрэвы заспрачаліся: ці добра зрабіў Вяз, развеяўшы гэты прыгожы туман знешняга шчасця беднай бярозкі? І да гэтага часу дрэвы вядуць спрэчку [3, с. 146]. Я. Колас тут праводзіць думку, што пераход ад эмпірычна назіральных фактаў эстэтычных адносін чалавека да спасціжэння сутнасці гэтых адносін, якія схопліваюцца ў абстракцыі, уяўляюць складаны і супярэчлівы працэс. Пагэтану адзіная рэальнасць прыгожага – яго рэальнасць у чалавечай свядомасці. Эстэтычная асалода – ёсць самаасалода, якая ўвасабляе сябе ў пачуццёвых прадметах і атрымлівае асалоду ад іх.

Літаратура

1. Гусоўскі, М. Песня пра зубра / М. Гусоўскі. - Мінск, 1981.
2. Колас, Я. Новая зямля / Я. Колас. - Мінск, 1975
3. Колас, Я. Раніца ў нядзельку. Казкі жыцця / Я. Колас - Мінск, 1997.

Семенова Л. Н. Западная граница Евразийского пространства

Выделение социально-культурных регионов происходит в ходе общественно-политических процессов и научных дискуссий. Пространство диалога между странами – результат доброй воли граждан и государств, цивилизационное пространство – результат культурного творчества, пространство региональной интеграции – результат экономического взаимодействия и политических решений государств. Однако органичность и устойчивость подобных пространств определяются закономерностями регионального развития: геополитическим смыслом месторасположения, потребностями хозяйственных комплексов и технологических зон, этническим и культурным притяжением, которые должны быть грамотно учтены при определении политического выбора.

Формирование в общественном сознании концепта Евразии и определение евразийских границ всегда было делом неоднозначным и спорным. Если южные и восточные границы евразийского пространства тяготели к природно-географическим: к горным

цепям, пустыням, восточному краю Азии, – и цивилизационному размежеванию с индо-буддийской Южной Азией и конфуцианским Дальним Востоком, то западная граница в большей степени подчинялась политическому самоопределению стран. Евразийцы рубежа XIX–XX вв. ориентировались на границы между Российской, Германской и Австро-Венгерской империями. Сегодня в начале XXI в. Балтийские республики являются членами Европейского Союза, Украина после событий Евромайдана 2013–2014 гг. сделала выбор в пользу ассоциации с ЕС. Беларусь сохраняет евразийский вектор политики, являясь частью Союзного государства с Россией, членом СНГ, ЕАЭС. Насколько этот выбор продиктован политической конъюнктурой или объективными основаниями? Осмысление этого вопроса чрезвычайно важно для культурно-цивилизационной самоидентификации народов Центральной и Восточной Европы и, конечно же, белорусов.

В VIII–XIII вв. сложились основные контуры этнической карты Европы. В ходе Великого переселения народов германские племена плотно расселились в пределах Западной, Северной и Центральной Европы, прижав к западным окраинам кельтов и оказывая мощное демографическое давление на народы разрушенной ими Римской империи. На просторах Восточной Европы, закрыв для германцев путь на восток, осели славянские племена. В отличие от многочисленных воинственных германцев, славяне, значительно уступавшие им в количестве, мирно осваивали менее благоприятный в природном отношении край. Восточноевропейская равнина и Среднерусская возвышенность в те времена были покрыты дремучими хвойными лесами и болотными топями. Почвы не отличались плодородием. Более благоприятными для жизни и земледелия были лесостепные и степные зоны по среднему течению Днепра и в Причерноморье, но они также привлекали внимание воинственных кочевых народов. Миграции скандинавов-норманов оказали огромное влияние на европейскую историю, но поистине судьбоносными они стали для восточнославянских племен. Варяги, викинги, русы значительно ускорили процессы политогенеза, замкнули их на себя, став правящей княжеской верхушкой объединенного ими из восточнославянских вождеств Русского государства. Открытый и налаженный ими путь «из варяг в греки» стал важнейшей торговой

артерией, обеспечивавшей экономическое взаимодействие между развитой Византийской империей и варварскими народами Европы, как это раньше осуществляла Римская империя. Для Русского государства этот торговый путь стал организующим социально-экономическим стержнем, обеспечив ему неординарные возможности для развития в отличие от Западной Европы, пока на осколках Римской империи переживавшей «темные века». Принятое по византийскому обряду христианство открыло восточным славянам, теперь уже русским людям, новые духовные ориентиры для морали, права, образования, культуры, искусства, общественного творчества, что воплотилось в символическом понятии Святой Руси. Так на землях Восточной Европы: современной Беларуси, Украины, европейской России завязывались первые определяющие узлы своеобразной, отличной от западноевропейской, цивилизации. Русское государство можно охарактеризовать в терминах Ф. Броделя и И. Валлерстайна и самостоятельным «миром-экономикой» и необходимым для него политическим оформлением в виде «мир-империи» («империя Рюриковичей»). Как отмечает Б.Ю. Кагарлицкий, «миры-экономики по Валлерстайну – это и есть цивилизации по Шпенглеру и Тойнби». Ведь «в каждом из этих миров формировался более или менее устойчивый рынок, складывалась своя система хозяйственных связей, на основе которых развивалась и общая система культурных норм и символов. В конечном счете из этого выросло сходство художественных вкусов, единство политических, религиозных и эстетических представлений, правил повседневной жизни. Иными словами, цивилизация» [2, с. 29].

В эпоху нового времени с формированием единой мировой системы капиталистической экономики положение евразийского пространства как самостоятельного самобытного общественного организма упрочилось. Если густонаселенная Европа с плотной сетью городов, в которых хозяйничала приумножавшая в международной торговле свои огромные капиталы буржуазия, стала центром мирового капиталистического рынка, то Восточная Европа, благодаря и своему континентальному, отдаленному от морских торговых путей расположению, и редким немногочисленным городам с небогатым купечеством, и преобладанию низкопроизводительного сельского хозяйства,

становилась его периферией, или в лучшем случае полупериферией. Отсюда и расширение сельскохозяйственного экспорта и закрепощение крестьянства, «второе издание крепостничества». При этом российская экономика, поставляя на европейские рынки сырье и сельскохозяйственную продукцию, т.е. взаимодействуя с капиталистическим центром именно в качестве периферии, сохраняла свою специфику и самодостаточность, оставаясь по сути «миром-экономикой». Экономика же Речи Посполитой работала исключительно на западноевропейский рынок. Зерно, произведенное в магнатских фольварках, шло в порт Гданьска, а оттуда морскими путями доставлялось в разные страны Европы. Блистательный Гданьск, как его называли «зеница ока Польши», буквально переключил под себя экономику страны, выкачивая из нее все силы.

По мнению Ф. Броделя, белорусские земли в начальный период новой истории попадали либо в периферию европейского мира-экономики, либо в пограничье между европейской и российской мирами-экономикой, что по сути было одним и тем же. Экономика таких зон, как правило, инертна, статична. Ф. Бродель писал, что в XVII в. восточная граница европейского мира-экономики проходила на востоке Польши; она исключала из него обширную Московию. Последняя была для европейца краем света [1, с. 7]. Оказавшись в таком экономическом пограничье, Речь Посполитая, в конечном счете, не справилась с вызовами модернизации, что предопределило ее печальную судьбу.

Россия же неустанно формировала собственную экономику, уходя от Европы все дальше на Восток вглубь Евразийского континента. Не имея выхода к морским торговым трассам, в долгой череде войн со Швецией и Турцией пробивалась к вожделенным Балтийскому и Черному морям, Россия довольствовалась сухопутными и речными путями. Ф. Бродель писал: «На суше и вдоль течения рек столетиями и столетиями организовывались цепочки локальных и региональных рынков. Судьба такой локальной экономики, функционировавшей сама собой сообразно своим рутинным приемам, заключалась в том, чтобы периодически бывать объектом интеграции, приведения к «разумному» порядку, к выгоде какой-то одной господствующей зоны, какого-то одного

господствующего города. И длилось это столетие или два, пока не появлялся новый «организатор» [1, с. 17].

Но, в конце концов, дело заключалось не в организаторе. Западной цивилизации, как центру мировой системы капитализма, так и не удалось им в полной мере стать ни для Российской империи, ни тем более для Советского Союза, который на принципиально новых общественно-политических основаниях пытался развивать самодостаточный «мир-экономику». Нынешний Евразийский экономический союз также нацелен на самостоятельную экономическую политику. Дело заключалось в естественной необходимости по-своему формировать свое социальное пространство, исходя из собственных условий и цивилизационно-культурных представлений, которые не могли не появиться в течение столетий такого общественно-природного взаимодействия. Вполне объяснимо, что здесь уже множество общественных институций не соответствовали формам западной капиталистической цивилизации. Как заметил Ф. Бродель по поводу России, она «не была жертвой ни поведения, которое она бы избрала сознательно, ни решительного исключения, пришедшего извне. Она имела единственно тенденцию организовать себя в стороне от Европы, как самостоятельный мир-экономика со своей собственной сетью связей» [1, с. 482]. И еще один показательный отрывок из Броделя: «ясно, что в противоположность тому, что произошло в Польше, ревнивая и предусмотрительная царская власть в конечном счете сохранила самостоятельную торговую жизнь, которая охватывала всю территорию, и участвовала в ее экономическом развитии» [1, с. 485].

С включением в конце XVIII в. в пространство российского мира-экономики белорусские земли первоначально очень медленно, во второй половине XX в. в результате мощного индустриального рывка, вышли на авансцену советской экономики, став ее сборочным цехом. Для Беларуси географией предопределено быть либо на востоке западноевропейской, либо на западе евразийской экономики. С точки зрения географии это может быть простой игрой слов, с точки зрения экономики и политики разница существенна. Восточное положение закрепляет периферийность, западное открывает возможности для развития и роста, при условии развития и западного и евразийского миров-экономик в контексте

теперь уже глобальной экономики. Тем более западное положение подкрепляется всем ходом совместной истории, общерусской духовности, евразийского единства. Опора на рациональные экономические основания и проверенные историей субъективные духовные предпочтения и идейно-политические мотивы – залог успешного развития. Уход от родного цивилизационного наследия чреват многими потерями и рисками. В конце концов это вопрос символического капитала культуры – наиважнейшего ресурса любой страны.

Литература

1. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира / Ф. Бродель; Пер. с франц. Л. Е. Куббеля. – М., 2007.
2. Кагарлицкий, Б. Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации / Б. Ю. Кагарлицкий. – М., 2010.

***Сарока Л. И.* Белорусское народное творчество – диалог мира между культурами разных стран**

Диалог культур — основа и важная предпосылка для формирования и укрепления таких ценностей, как толерантность, уважение, взаимопомощь, милосердие. В определенной мере это еще более повышает социальную значимость белорусского народного творчества, являющегося богатейшим культурным и духовным наследием, хранителем исторической и культурной памяти народа и посредником в ее передаче последующим поколениям. Изделия народных мастеров никого не оставляют равнодушными, т.к. они творят настоящие произведения искусства из самых разных материалов – дерева, глины, лозы, соломы, льна.

Любопытный феномен белорусской культуры – изделия из соломки. Подобного нет нигде в Европе. Изделия из соломки – традиционное славянское искусство, корни которого идут от древнего, языческого культа хлеба. Изделия из соломки были предназначены для сохранения хлебопродуктов. В быту славян наибольшее распространение получили корзиночки, корзины, лукошки разного вида из соломы, лозы, бересты.